

УДК 130.121:165.62

DOI: 10.17223/1998863X/52/5

Ю.Г. Седов

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУР ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Обсуждаются следующие положения: структура ego является системой потенциальности, позитивной предрасположенностью; чистое ego занимает центральное место среди других элементов эгологической структуры; чистое ego имеет собственное содержание, состоящее из нозматических единств; любому объекту внешнего пространства соответствует внутренняя структура субъективной пространственности.

Ключевые слова: трансцендентальная субъективность, эгологическая структура, субъективная пространственность, генетическая конституция.

Введение

Исходной точкой феноменологического исследования служит рефлексия. Согласно истории философии формулировка такого подхода, впервые прозвучавшая в философии Р. Декарта, разворачивается в пространных опытах Дж. Локка и усилиями И. Канта помещается в центр всего последующего немецкого идеализма. Рефлексия не имеет дела с самими предметами, ее интересуют способы нашего познания предметов, субъективные условия постижения посредством понятий, а также пределы рассудочной деятельности и в конечном итоге различие между рациональностью в узком смысле – *рассудительностью* (Verstand), и рациональностью в широком смысле – *разумом* (Vernunft), источником всех наших высших понятий [1. Р. 282]. О рефлексии в этой связи Э. Гуссерль заговорил в 1907 г. в геттингенских лекциях, в которых подробно излагал учение о феноменологической редукции. Последовательное осуществление редукции, как известно, приводит к необходимости анализа ego cogito с целью универсального обоснования всех отраслей научного знания. Позднее он предпринимает попытку развить и расширить это учение, оформив его в концепцию о «раздвоении Я» (*Ichspaltung*) [2. Р. 101, 318]. Импульс к такому расширению был дан благодаря критическому переосмыслению трансцендентального характера философии при сохранении важного различия между фактическим и трансцендентальным ego.

Вопрос о трансцендентальной субъективности в феноменологии

Вся тяжесть проблемы осознается лишь тогда, когда в результате феноменологической редукции трансцендентальное ego сжигает все мосты к отступлению и оказывается в своей собственноручно изготовленной «золотой клетке». Оно устанавливает единственное в своем роде философское одиночество. Неудивительно, что уже современники Гуссерля усмотрели в его учении о трансцендентальной субъективности отсутствие каких бы то ни было экзистенциальных категорий. Как правило, в этой критике делался акцент на

единстве личности – единстве, которое не допускает жесткого разделения на трансцендентальную и фактическую сферы, ибо всегда и везде «обнаруживается необходимая функциональная зависимость чистого сознания от эмпирической личности... Абсолютное сознание совпадает с эмпирическим, так как оно является наблюдателем» [3. Р. 180–181]. Коль скоро фактическое Я остается без внимания, своеобразные феномены человеческой субъективности, напрямую с ним соотнесенные, не учитываются в феноменологическом исследовании.

Современный феноменологический подход к изучению человеческого бытия пытается преодолеть подобные упущения, продвигаясь в одностороннем направлении, преимущественно в экзистенциальном. Такое положение вещей вновь возвращает нас к той бесплодной рассудочной попытке, которую предприняли Ж.-П. Сартр и его последователи с тем, чтобы устранить сущностную различенность фактического и трансцендентального его [4. Р. 319]. По сути дела, Сартр просто отвергнул трансцендентальное его, выдвинув взамен идею об «абсолютно безличном сознании», рефлектирующим над своими собственными актами. Причиной тому послужило, по-видимому, следующее соображение: когда его занимает трансцендентальную позицию по отношению к своему опыту, это трансцендентальное конституирующее сознание само не является объектом, но есть условие возможности всех объектов познания. Ведь оно может объективировать себя только вслед за своим актом. Сартр называет это вечно ускользающее сознание неким «несубстанциальным абсолют», который никогда не может быть объективирован в силу того, что всякий раз идет на шаг *вперед* своей собственной объективации. Нерефлектируемое и непостижимое, иррациональное сознание указывает на то, что само его *cogito* трансцендентно [5].

Между тем ситуация коренным образом изменяется, когда исследователь связывает теоретико-познавательную проблематику с анализом трансцендентальной субъективности. Более того, существенно изменяется и сам подход: внимание перемещается от теории познания к учению о *конституции*. Конституция есть приоритетное право трансцендентальной субъективности. Хотя в интенциональной жизни сознания выделяются различные, относительно самостоятельные элементы, все же их нельзя друг от друга отрывать, ибо только так можно решить вопрос о конкретном характере трансцендентального его положительно. Вне всякого сомнения, оно выполняет главную опосредующую функцию – функцию собирающего и связующего центра, удерживающего в себе все многообразие интенциональных актов. Но вместе с тем его следует понимать как вполне определенный момент конкретной эгологической структуры.

Пространство и время трансцендентального субъекта

Для феноменологии характерна констатация принципиальной возможности чистого его, которая актуализируется благодаря рефлексии. Сознание оказывается в двух сферах, когда в результате рефлексивного поворота взгляда способно удерживать довольно длительное время себя самого в качестве предмета.

Указанная способность реализуется благодаря феномену *Ichspaltung*. «В осуществлении саморефлексии я поднимаюсь над самим собой, раздваи-

ваюсь на высшее Я, каковое есть Я акта рефлексии, и на низшее, над которым я рефлектирую» [6. Р. 262]. Этот раскол Я на две части, а также изображение целого в виде привычной пространственной модели со своим верхом и низом фундированы более глубинным феноменом – *субъективной пространственностью*. И хотя Гуссерль не был первым, кто заговорил о таком раздвоении, однако заслуга его в том, что он сделал данное понятие краеугольным камнем своей «первой философии». Действительно, только благодаря раздвоению Я делается плодотворным исследование многочисленных структур субъективности. Оно оказывается главной темой и самой общей эгологической структурой. В этом раздвоении с очевидностью усматривается первоисточник имманентных переживаний – самосознания и рефлексии.

Феномен раздвоения Я теснейшим образом связан с *имманентной временностью*. Действительно, отношение ретенции и раздвоения взаимно: раздвоение зависит от ретенциальных сдвигов, а сама ретенция есть удерживание раздвоенности. Иными словами, без различенности эгологических моментов не было бы и речи об имманентной временности, она даже не выступила бы в качестве темы.

Эгологические структуры

Здесь возникает правомерный вопрос: *кто* актуализирует это раздвоение? Кто осуществляет благодаря повороту к трансцендентальной сфере просмотр эгологических структур? По-видимому, возможно только два ответа. Во-первых, когда исследуются эгологические структуры сознания, например структуры имманентной временности или субъективной пространственности, то всякое разделение и просматривание осуществляет *чистое ego*. Во-вторых, если учитывается весь совокупный опыт, весь трансцендентально-феноменологический метод с его редукциями, конститутивной проблематикой, региональными онтологиями и очевидностями, интерпретацией интересубъективности, то дело ведет в таком случае философ как *персональное ego*, как личность. Личность есть конкретное ego, обремененное мотивами, интересами и социальными ролями, она живет обычной повседневной жизнью. Сочетая указанные подходы, любой исследователь вскоре обнаруживает, что чистое ego способно приобретать определенности в виде убеждений, привычек, характера, являясь устойчивым полюсом единства. В процессе самораскрытия последовательно занимают различные установки, что, в свою очередь, производит соответствующее преобразование личности, причем чистое ego в таких случаях всегда выступает в качестве инициатора и устанавливает действительное начало конститутивного процесса.

Подобный подход формулирует более гибкую позицию в отношении трансцендентального субъекта, учитывающую не только сущностный аспект, но и возможность контролируемых экзистенциальных допущений, т.е. позволяет рассматривать чистое ego одновременно и как всеобщее вместилище форм, и как определенный структурный элемент в единстве тематической связи. Именно второй момент и выступает в качестве принципа всех экзистенциальных допущений, ибо в нем предельная всеобщность, или самотождественность, представлена в виде вполне конкретной индивидуальности: абсолютное сознание, будучи исключительно априорным образованием, тут же демонстрирует свою завершенность, оказываясь встроенным в эгологическую

структуру. Учитывая данную особенность – тот факт, что чистое *его* является лишь определенным элементом обширной эгологической сферы, – следует прежде всего строго зафиксировать его *место* среди других элементов.

Чистое сознание как система потенциальности

Структура *его* – это своего рода система потенциальности, которая не есть пустая возможность, но позитивная предрасположенность. Такая система находится в постоянной готовности перейти к актуализации, к деятельности. Я всегда могу занять новую, более выгодную для себя позицию, высказать иную точку зрения и достичь поворота. Этот поворот взгляда есть исключительное право чистого *его*. Например, когда философ переходит к трансцендентальной точке зрения, покидая почву естественной установки и осуществляя эгологическую редукцию [7. Р. 109], он замечает, как на основе целостной структуры *его* формируются две взаимосвязанные и одновременно полярно различные сферы – трансцендентальная и фактическая. Фактическое *его* отделяется от трансцендентального *его*, но, разумеется, между ними нет полного разрыва, их различие указывает лишь на изменение сознания одного и того же *его*.

При анализе феноменов сознания необходимо также учитывать два значения термина «фактический». Первое указывает на конкретность личности, которая живет повседневными заботами, а второе значение связывает фактическое с естественной установкой сознания и с возможностью изменения этой установки в результате поворота к эгологической сфере. Во втором случае фактическое и трансцендентальное *его* суть различные между собой моменты единого процесса образования человеческого духа.

Исходя из данного фундаментального различия, постараемся по возможности кратко дать исчерпывающую характеристику чистого *его* в единстве целостной эгологической структуры. Если *его* *existo* рассматривается только в связи с актом *cogito*, то оно называется «полярным», или активным субъектом познания. Но вне связи с объектами и актами *cogito* оно совершенно пусто и остается голым полюсом единства. Поэтому чистое *его*, взятое в таком аспекте, не поддается никакой дескрипции [8]. Однако оно может приобрести определенности, т.е. может быть конституировано как нечто имеющее убеждения и привычки, несколько не отождествляясь с ними. Предметом анализа здесь могут выступать разные уровни и зависимости, к примеру психофизическое, социальное или политическое *его*. Но будучи так определено, персональное *его* перестает быть объектом аподиктического знания.

Между тем, отвлекаясь от изменчивых характеристик личности, от ее социальных ролей, чистое *его* сохраняет свое собственное содержание. Любой встречаемый объект указывает на некую чистую структуру, находящуюся *внутри* самого *его* и выступающую в качестве первичной формы этого объекта. В данном случае мы имеем дело уже с трансцендентальным *его*, чьи структуры открыты для рефлексивного схватывания и сущностного постижения.

И, наконец, совсем иное значение имеет конкретное *его*, или монада. Оказывается, что чистое *его* есть лишь ядро или центральный слой активной и потенциальной сознательной жизни, а потому является составной частью

монады, которая включает в себе также и сферу категорий, ноэматических единств. В результате абстрагирования его определяется как таковое и репрезентируется в качестве пространственной структуры.

Феномен мира всякий раз отсылает нас к конституирующей деятельности сознания. Реальность не автономна, она изначально соотнесена с субъективностью и сохраняется только как бытие, конституированное сознанием. Так называемая трансцендентность реальности, ее независимость и непостижимость, есть своеобразный коррелят нашего сознания, особый конституируемый смысл.

Если следовать этой логике рассуждения, то внешнему пространству должна соответствовать некая внутренняя пространственность, т.е. система возможного пространственного опыта, в которой заложена удивительная способность человека оперировать не только трехмерными конструкциями. В качестве иллюстрации можно рассмотреть шестимерное пространство «Калаби-Яу» или же «Вселенную Кандинского». Примерами также могут служить фрактальная модель Вселенной и достижения современной инфляционной космологии. Создание таких моделей во многом определяется возможным пространственным опытом познающего субъекта, его умением визуализировать многомерные свернутые пространства. Вместе с тем, субъективность служит условием только для проявления смысла, короче говоря, является необходимым условием. В противном случае, если бы субъективность была достаточным условием, она актуально творила бы материальный мир.

Генетическая конституция

Весьма примечательно, что в структурном анализе субъективности со стороны ее содержания рассматриваются первичные элементы: «гилетические данные» интенционального опыта и «ноэзы», которые оживляют чувственное содержание посредством понимания. Указанные элементы интенционального опыта мы находим, когда рефлектируем над своими актами, описывая их взаимозависимость, последовательность, структуру и трансформацию. Идеальным компонентом акта сознания служит ноэма, коррелятивная ноэзису. Ноэма сама по себе неоднородна. Внутри нее могут быть выявлены различные *слои*, которые сгруппированы вокруг *ядра*, вокруг чистого объективного смысла. Ядро ноэмы постигается интуитивно, и о нем можно сказать только одно – оно удерживает в единстве все периферийные элементы сознания. Сам же осмысляемый объект *инвариантен*, к нему можно возвратиться после, взглянуть на него с другой стороны, наделить его различными модальностями, приписать ему те или иные предикаты.

Здесь его определяется не только как тождественный полюс интенциональных актов, но и как постоянный субстрат «габитуальностей», как сохранившееся содержание прошлого опыта. Все это, взятое вместе, образует монаду. Поэтому феноменология субъективности уже не может удовлетворяться структурным анализом, ограничивающимся статической схемой рассуждения. Напротив, требуется раскрыть субъективность в ее конкретном осуществлении. Так, шаг за шагом, феноменологическое исследование с необходимостью приходит к проблематике генетического конституирования, задача которого заключается в том, чтобы тщательно изучить всю целост-

ность сознательной жизни. Генетическая конституция дает возможность критики наших суждений, которая основывается на истории содержания сознания. Вопросы применения генетического метода к некоторым математическим и логическим теориям рассматриваются в *Remarks* [9. P. 143].

Когда исследователь имеет дело только со структурным анализом (или статической конституцией), феноменология дает вполне адекватную картину субъективности. Теперь же, всматриваясь в историю его и пытаясь оживить содержание актов, которые уже суть прошлое, чрезвычайно сложно выполнить требование адекватности феноменологического описания, ибо всякое суждение будет находиться в окружении смыслов и ранее принятых допущений.

Заключение

В заключение следует отметить, что генетическая конституция подключает к системе феноменологии принцип «интерсубъективности», который породил довольно плодотворную и ныне успешно развивающуюся феноменологическую социологию. Но здесь философ сталкивается с новыми затруднениями: феноменологическая установка требует, чтобы трансцендентный мир был заключен в скобки, а вместе с ним и всякое психофизическое Я. Воздерживаясь от всяких объективистских допущений, философ обретает чистую сферу сознания, которую уже нельзя рассматривать как часть мира, т.е. исключительно как индивидуальное бытие.

Более того, отношение трансцендентального его к миру и к вещам этого мира является сугубо интенциональным, вследствие чего его не может быть рассмотрено по принципу каузальности. Соответственно, существование других его не может быть доказано на основании каузальных связей и зависимостей. Поэтому возникает фундаментальная проблема, а именно: каким образом другие его, а не просто феномены мира, могли бы быть полагаемы существующими. Ведь они не только являются внешними объектами, но и требуют признания их в качестве трансцендентальных субъектов.

Литература

1. *Roberts J.* The Logic of Reflection: German Philosophy in the Twentieth Century. New Haven ; London : Yale University Press, 1992.
2. *Husserl E.* Ideen zu einer Phaenomenologie und phaenomenologischen Philosophie. Den Haag, 1952. Buch 2: Husserliana, Bd. IV.
3. *Plessner H.* Krisis der transzendentalen Wahrheit im Anfang. Frankfurt am Mein, 1980.
4. *Gurwitsch A.* The collected works of Aron Gurwitsch (1901–1973) / ed. by F. Kersten. Dordrecht : Springer, 2010. Vol. II: Studies in phenomenology and psychology.
5. *Sartre J.-P.* La transcendance de l'ego // Recherches philosophiques. 1936. VI. P. 85–123.
6. *Husserl E.* Erste Philosophie (1923/24). Den Haag, 1956. Buch 2: Husserliana, Bd. VII.
7. *Cairns D.* The philosophy of Edmund Husserl. Phaenomenologica. Dordrecht : Springer, 2013. Vol. 207.
8. *Heinsen D.* Husserl's Theory of the Pure Ego // Husserl, Intentionality and Cognitive Science / ed. H.L. Dreyfus. Massachusetts, London : The MIT Press, Cambridge, 1984. P. 147–168.
9. *Седов Ю.Г.* Remarks Concerning the Phenomenological Foundations of Mathematics // Логические исследования – Logical Investigations. 2016. Т. 22, № 1. С. 136–144.

Yuri G. Sedov, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology (Gatchina, Russian Federation).

E-mail: yuriy-sedov@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 48–54.

DOI: 10.17223/1998863X/52/5

A PHENOMENOLOGICAL INVESTIGATION ON STRUCTURES OF TRANSCENDENTAL SUBJECTIVITY

Keywords: transcendental subjectivity; egological structure; subjective spatiality; genetic constitution.

The starting point of a phenomenological investigation is reflection. The formation of this approach is based on the discoveries of René Descartes, John Locke and Immanuel Kant. The concept of reflection is most fully represented in Edmund Husserl's works devoted to phenomenological reduction. The consistent implementation of the reduction leads to a structural analysis of the phenomenon of transcendental subjectivity in order to substantiate the unity of scientific knowledge. The doctrine of transcendental subjectivity is associated with the idea of "dividing the self" (Ichspaltung). The exact formulation of this idea becomes possible as a result of a rethinking of the transcendental nature of philosophy while maintaining the distinction between the actual and the transcendental egos. In connection with this, the very approach to the analysis of subjective structures also changes: attention shifts to the theory of constitution. Phenomenology is based on the fundamental possibility of a pure ego which is actualized through reflection. The reflective separation of the pure ego into two parts is represented by using the familiar spatial model with its top and bottom. The model is grounded by subjective spatiality. Due to the phenomenon of "dividing the self", it becomes possible to study the diverse egological structures. This article discusses the following principal theses. (1) Ego-structure is a system of potentiality. Such a system is not an abstract possibility, but a positive predisposition. (2) The pure ego is central to other elements of any integral egological structure. (3) The pure ego as a primary form of objects has its own substance which consists of noematic unities (categories). (4) Any object of external space corresponds to the internal structure of subjective spatiality. The solution of such issues cannot be limited to the structural analysis of transcendental subjectivity; methods of genetic constitution are also required. Genetic constitution enables criticism of one's judgments and allows considering subjectivity in its concrete implementation. The genetic nature of transcendental phenomenology leads to intersubjectivity issues.

References

1. Roberts, J. (1992) *The Logic of Reflection: German Philosophy in the Twentieth Century*. New Haven and London: Yale University Press.
2. Husserl, E. (1952) *Ideen zu einer Phaenomenologie und phaenomenologischen Philosophie*. Vol. 2. The Hague: [s.n.].
3. Plessner, H. (1980) *Krisis der transzendentalen Wahrheit im Anfang*. Frankfurt am Mein: [s.n.].
4. Gurwitsch, A. (2010) *The Collected Works of Aron Gurwitsch (1901–1973)*. Vol. II. Dordrecht: Springer.
5. Sartre, J.-P. (1936) La transcendance de l'ego. *Recherches philosophiques*. 6. pp. 85–123.
6. Husserl, E. (1956) *Erste Philosophie (1923/24)*. Vol. 7. The Hague: [s.n.].
7. Cairns, D. (2013) *The Philosophy of Edmund Husserl*. Dordrecht: Springer.
8. Heinsen, D. (1984) Husserl's Theory of the Pure Ego. In: Dreyfus, H.L. (ed.) *Husserl, Intentionality and Cognitive Science*. Massachusetts, London: The MIT Press, Cambridge. pp. 147–168.
9. Sedov, Y.G. (2016) Remarks Concerning the Phenomenological Foundations of Mathematics. *Logicheskie issledovaniya – Logical Investigations*. 22(1). pp. 136–144.